

УДК 72.03:821.161.1

АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕТЕРБУРГА В СОЦИАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ

Стеклова И.А.

ГОУ ВПО «Пензенский государственный архитектурно-строительный университет»,
Пенза, e-mail: i_steklo60@mail.ru

В статье рассмотрена проблема стабилизации смыслов русской архитектуры в первой половине XIX века. Представлены смыслы, передаваемые через различные архитектурно-пространственные образы в произведениях А.С. Пушкина. Взаимосвязь архитектурных объектов и их вербальных образов акцентирована с двух сторон: когда свойства объектов переносятся в сферу универсальных ценностей бытия, заменяясь весьма отвлеченными понятиями, и когда архитектурная лексика привлекается в качестве метафор, транслирующих самую разную информацию. Архитектура раскрывается как предметная область осмысления бытия с наглядным выражением социально окрашенных этических ценностей. Показывается, как собственная память поэта одушевляла архитектурное пространство эпизодами всеобщей истории или чьей-то частной судьбы. Выявлено взаимовлияние русской художественной литературы и историзма русской архитектуры – движения, связанного с освоением форм прошлого в настоящем. Смыслы, привнесенные в этот процесс А.С. Пушкиным, актуальны и для профессионального осознания беспределной ответственности зодчества, и для всеобщего осознания гуманистической целостности культуры.

Ключевые слова: русская история, архитектурное пространство Петербурга, образы архитектуры, семантика архитектуры, социальное самосознание, Пушкин

ARCHITECTURAL SPACE OF PETERSBURG IN SOCIAL SELF-CONSCIOUSNESS

Steklova I.A.

Penza State University of Architectural and Construction, Penza, e-mail: i_steklo60@mail.ru

The article discusses the problem of Russian architectural senses stabilization in the first half of the XIX century. The senses transferred by various architectonic-spatial images in works by A.S. Pushkin are considered. The interrelation of architectural objects and those verbal images is accented from two sides: when properties of objects were transferred to the sphere of life universal values, being replaced with very abstract concepts and when the architectural lexicon was involved as the metaphors broadcasting the different information. The architecture is shown as a subject domain of life judgment with evident expression of ethical values and social meanings. It is shown how the architectural space by poet's memory is animated in episodes of general history or someone's private destiny. Interference of Russian fiction and Russian architecture historicism as the movement associated with the development of the past forms in the present forms is detected. Meanings by A.S. Pushkin that were introduced into this process are actual for professional awareness of architecture infinite responsibility and for public awareness of the humanistic culture integrity.

Keywords: Russian history, architectural space of Petersburg, images of architecture, semantics of architecture, social self-consciousness, Pushkin

Как известно, для человека нового времени основные средоточия приложения и проявления культурных сил – города. Если отслеживать в семантике архитектуры траекторию смыслов, производимых ими, она запутывается в полярности всяческих парадоксов. Во всяком случае, в градациях описания архитектурных пространств у А.С. Пушкина это именно так: пункты разряда деревень, усадеб, почтовых станций представлены поэтически и прозаически в некоторой чувственной однородности, насыщенные же культурными силами города целостны разве что в контрастах, в частности социальных. Вместе с множественностью взглядов на предмет те как бы захватывают и уравнивают здесь позитив и негатив. Можно сказать, норма целостности архитектурного пространства городов в пушкинских текстах – баланс со-

циальных контрастов в восприятии героев. Без сомнения, ярче всех проиллюстрировал эту ситуацию Петербург, комплекс противоречий которого запущался в действие без проговаривания собственного имени.

Петербург в социальном самосознании (по произведениям А.С. Пушкина)

Если романтическая тема, согласно В.В. Виноградову, «субъективно повертывается в сторону разных предметов и лиц, эмоционально притягивает их к себе и как бы сливает их с собой, обнаруживая сложность и эластичность своего смыслового содержания» [4], то диалог *стройного вида* и его удручающе неприглядной изнанки под *бледным сводом* притянул *скуку, холод и гранит* [10]. Столь разнородные производные места, в современном понимании, указывают на видение не столько архитек-

Г.А. Крылова, В.М. Скородумова, П.И. Бессонова, Н.И. Подключникова и др., отразив то, что называется русским бидермайером.

Робкий «стиль, очень явственный к 20–30-м годам в Европе, овладевший модами, утварью, мебелью, изобразительным искусством, литературой» [2], был замечен и поэтом. Это сказалось в описаниях *смирной, но опрятной обители, чистенькой комнатки, убранной по-старинному, тесной каморки с одним окошечком* и т.д., на расстоянии, охраняющем чужой суверенитет. Субъективность трактовки взаимоотношений между городом и горожанами все более углублялась объективностью подачи сопутствующих обстоятельств в системе формальных архитектурно-пространственных и архитектурно-средовых противопоставлений с социальной проблематикой. Это совсем не исключало многозначности общего метафорического замысла, озадачивающего то натуралистичностью, то метафизикой и в поэтических миниатюрах, и в крупных прозаических вещах. Топография последних вышла, наконец, из локуса элегантного онегинского Санкт-Петербурга в его окраины: «...еду переулками, смотрю в окна низеньких домиков: здесь сидит семейство за самоваром, там слуга метет комнаты, далее девочка учится за фортепьяно, подле нее ремесленник музыкант» [15]. Архитектурные топы картинной наглядности, ориентируя большие и малые социальные события и схемы поведения героев, оправдывали эти события и схемы в умоглядном пространстве читателя.

Обобщенные пространственные отношения между районами столицы, сомасштабными маленькому человеку, и фешенебельным центром настоящих хозяев жизни метафорически обыгрывали социальные отношения как внутри, так и между теми и другими, формируя дополнительные сюжетные слои. Например, то, что один пушкинский персонаж, дама, решил переехать с роскошной *Английской набережной* в захолустную *Коломну*, в *деревянный домик на углу маленькой площади* [12], Калинин или Покровской, означало полный отказ не от вида из окна, а от общества и привычного образа жизни в целом. Маршрут другого персонажа не менее красноречиво связывал *Измайловский полк с Демутovým трактиром*, на углу Мойки и Невского проспекта, и храмом Богородицы *Всех Скорбящих Радости*, на углу Большой Воскресенской и Шпалерной улиц: чтобы попасть из кварталов идеального военизированного порядка ко *Всем Скорбящим*, требовалось пересечь эстетически контрастирующие части города, пропустив несколько церк-

вей, с юго-запада на северо-восток с целью *отслужить молебен* [14] за соблазненную дочь именно в ротонде с беломраморными колоннами, возведенной на месте старой Воскресенской церкви и первой женской богадельни, где привечали подкидышей.

Главным районом Петербурга для *домов с чердаками и ставнями*, закрывающимися *зимой рано*, стала у поэта *Коломна*, вынесенная на обочину совершенной геометрии столицы. Вряд ли корректно причислять ее *домик* в приходе церкви *Покрова Пресвятой Богородицы*, где без сословных разграничений *любили слушать русское богослужение*, к произведениям зодчества: *три окна, крыльцо и дверь* – самый примитивный тип фольклорного деревянного строения с палисадником и огородом. Только именно *домик* противопоставлялся эстетически превосходящему его *высокому дому*. *Высокие* – доходные – *дома* с унаследованной от классицизма гармонией фасадов, уплотнялись, связывая жилые кварталы с общественными и промышленными зонами. Однообразные ряды *высоких домов*, вызывающие к сильным композиционным разрывам, акцентам и доминантам, нивелировали какую-либо человеческую приватность, а *смирненная лачужка*, оказавшаяся на краю их агрессивного наступления, оказывалась в авторском фокусе разрушаемого патриархального мира.

С 1820-х годов в Петербурге начался очередной этап массового строительства и реконструкции жилого фонда. В частности, доходные дома с несколькими флигелями по периметру и в глубине участка, возникшие в конце XVIII века, стали надстраиваться с соответствующей организацией различных по размеру и благоустройству квартир. Типичными становились лицевые корпуса в три–четыре этажа с дворовыми флигелями в четыре–пять этажей: «В недавнее еще время дом в четыре этажа был в Петербурге... маяком, по которому можно было узнавать, в какой части города находишься, теперь видим целые улицы в четыре этажа. Неужели это не украсило Петербурга? Напротив. Глазам стало так скучно, так грустно в этом однообразном каменном лабиринте» [16].

Если в начале XIX века статус петербуржца безошибочно определялся по району проживания и типу *дома*, то к концу первой трети XIX века социальное расслоение добралось и до многоквартирных домов, их флигелей и этажей. Теперь для портретирования человека было достаточно этой, имманентно противопоставляемой, фактуры. Становилось понятно, что архитектурно-пространственная среда – уже сравнительная

метафора, претворяющая биографии современников, а ее обстоятельства, вводимые в прозаические и поэтические произведения, как бы взводят пружину действия. Так, тщательные подборы этого взвода: от *роскошного кабинета в бельэтаже до чердака и конурки пятого жилья* – указывали на полярные колебания в определении социального статуса героя поэмы «*Езерский*» для наиболее динамичного раскручивания сюжета. Продумывалась не просто связка героя со средой, но система, где видоизменение одного члена подразумевает видоизменение другого, дополнительного к первому. Насколько естественно выдуманные персонажи подлаживались к социальным реалиям Санкт-Петербурга на том или ином уровне детализации, настолько Санкт-Петербург превращался в понимании читателей в полноценного литературного персонажа, лично ответственного за все бытийные процессы.

Следует оговориться, что никакого напряжения в гипотетическом сведении хронологически не параллельных понятий для настоящего рассуждения нет: определения «предметно-пространственная среда», «архитектурная среда», «городская среда» и т.д., закрепленные в последней трети XX века, вызревали в истории постепенно. Сегодня в них благополучно увязываются и объективные, и субъективные начала – объективное наличие всего материально-окружения человека и многообразие его субъективных реакций, отражаемых в числе прочего и вербально. В.Л. Глазычев, исследуя традиции объективно-субъективного синтеза в длительной эволюции отношения к городу, особо выделял в его восприятии два аспекта: всеобъемлющую чувственность и социальную окрашенность. У Пушкина задействованы оба, более того – сплетены между собой, раскрываемые в визуально-эстетических переживаниях, в то время как у прочих авторов «при акценте на вторую интерпретацию происходит обычно интенсивное „распредмечивание“ окружения: Невский проспект у Гоголя является поэтически оформленным социально-психологическим „срезом“ улицы, почти полностью освобожденной от своей топографической определенности» [5].

Архитектурная среда Петербурга в сюжетах Пушкина, в отличие от таковой у Гоголя, всегда трехмерно артикулирована, хотя с годами все более экономно, сжато, лапидарно. Ощущение города в нарастающей устремленности автора приблизить слово к предмету охотно зацеплялось за те или иные хорошо известные обстоятельства места: тщательно отобранные, проверенные на вид и на слух состояния архитектурного

пространства – его положения, конфигурации, материалы, детали и т.п. И это совсем не вытесняло из наблюдения пушкинских героев, а потом и читателей социальных характеристик происходящего. Напротив, все в той же архитектурной и околоархитектурной предметности проступали и они. Созданные поэтом образы Петербурга проявляли его объективные свойства, возможные только там, обусловленные его растянутой горизонтальной формой. В комбинациях этих виртуозно представленных свойств буквально прописаны своего рода типовые образцы отношения к действительности города, за каждым словом которых контекст той социальной среды, которая себя в этом слове запечатлела.

Заключение

Непростое общение пушкинских персонажей со столицей рассматривалось в разных трехмерных интервалах. В модели архитектурного пространства *города пышного, города бедного* герои оказывались то на той, то на другой стороне, всегда удерживая в поле зрения противоположную позицию. Устройство, когда обе стороны существовали синхронно, в сцеплении или в параллельном развитии, способствовало полноте, удвоению восприятия мира. Казалось бы, из заурядных зарисовок конкретного места, становящегося фильмом и накопителем чьих-то эмоций, пробивались рациональные и иррациональные побегии в осознании смысла жизни.

В критическом пафосе романтической мифологизации города укреплялись мотивации к прагматичному поиску архитектурно-средовой обусловленности жизни. Противопоставления архитектурно-пространственного и архитектурно-средового свойства в многообразии социальных подтекстов, активизировали понимание отношений между петербуржцами как отношений между петербуржцами и Санкт-Петербургом.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bahtin/probl_sod.php (дата обращения: 1.05.14).
2. Берковский Н.Я. О русской литературе. – Л.: Художественная литература, 1985. – С. 104.
3. Бочаров С.Г. Петербургский пейзаж: камень, вода, человек. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/10/bochar-pr.html. 7 (дата обращения: 20.12.13).
4. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1941. – С. 53.
5. Глазычев В.Л. Поэтика городской среды // Эстетическая выразительность города. – М.: Наука – 1986. – С. 130–157.

6. Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая поэтика. URL: <http://novruslit.ru/library/?p=13> (дата обращения: 12.02.14).
7. Лосев А.Ф. Поэзия, мировоззрение, миф // Пушкинист. – М.: Современник, 1989. – С. 161.
8. Пушкин А.С. Брожу ли я вдоль улиц шумных // ПСС. – Т. 3, с. 130.
9. Пушкин А.С. Воспоминание // ПСС. – Т. 3/ – С. 57.
10. Пушкин А.С. Город пышный, город бедный // ПСС. – Т. III. – С. 76.
11. Пушкин А.С. Домик в Коломне. // ПСС. – Т. IV. – С. 239.
12. Пушкин А.С. На углу маленькой площади // ПСС. – Т. VI. – С. 382.
13. Пушкин А.С. Н.избирает себе в наперсники... // ПСС. – Т. VI. – С. 423.
14. Пушкин А.С. Станционный смотритель // ПСС. – Т. VI. – С. 96.
15. Пушкин А.С. Участь моя решена. Я женюсь // ПСС. – Т. VI. – С. 389.
16. Художественная газета. СПб., 1840, № 18, с. 25. Цит. по: URL: <http://arx.novosibdom.ru/node/1686?page=0,html> (дата обращения: 24.04.14).
5. Glazyichev V.L. Poetika gorodskoy sredy // Esteticheskaya vyrazitelnost goroda. M.: Nauka 1986. pp. 130–157.
6. Levin Y.I., Segal D.M., Timenchik R.D., Toporov V.N., Tsivyan T.V. Russkaya semanticheskaya poetika. URL: <http://novruslit.ru/library/?p=13> (data obrascheniya: 12.02.14).
7. Losev A.F. Poeziya, mirovozzrenie, mif // Pushkinist. M.: Sovremennik, 1989. pp. 161.
8. Pushkin A.S. Brozhu li ya vdol ulits shumnyih // PSS. T. 3, pp. 130.
9. Pushkin A.S. Vospominanie // PSS. T. 3, pp. 57.
10. Pushkin A.S. Gorod pyishnyiy, gorod bednyiy // PSS. T. III. pp. 76.
11. Pushkin A.S. Domik v Kolomne. // PSS. T. IV. pp. 239.
12. Pushkin A.S. Na uglu malenkoy ploschadi // PSS. T. VI. pp. 382.
13. Pushkin A.S. N.izbiraet sebe v napersniki... // PSS. T. VI. pp. 423.
14. Pushkin A.S. Stantsionnyiy smotritel // PSS. T. VI. pp. 96.
15. Pushkin A.S. Uchast moya reshena. Ya zhenyus // PSS. T. VI. pp. 389.
16. Hudozhestvennaya gazeta. SPb., 1840, no. 18, pp. 25. Tsit. po: URL: <http://arx.novosibdom.ru/node/1686?page=0,html> (data obrascheniya: 24.04.14).

References

1. Bahtin M.M. Problema sodержaniya, materiala i formy v slovesnom hudozhestvennom tvorchestve. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bahtin/probl_sod.php (data obrascheniya: 1.05.14).
2. Berkovskiy H.Ya. O russkoy literature. L.: Hudozhestvennaya literatura, 1985. pp. 104.
3. Bocharov S.G. Peterburgskiy peyzazh: kamen, voda, chelovek. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/10/bochar-pr.html. 7 (data obrascheniya: 20.12.13).
4. Vinogradov V.V. Stil Pushkina. M.: Gos. izd-vo hudozhestvennoy literatury, 1941. pp. 53.

Рецензенты:

- Волков С.Н., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой «Философия», ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный технологический университет», г. Пенза;
- Курбатов Ю.И., доктор архитектуры, профессор, СПбГАСУ, г. Санкт-Петербург.
- Работа поступила в редакцию 15.10.2014.